А.С. ДМИТРИЕВ

"ЧИСЛО ЗВЕРЯ": К ПРОИСХОЖДЕНИЮ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЕКТА "АВТОРИТАРНАЯ ЛИЧНОСТЬ"

"...Сочти число зверя, ибо это число человеческое..."

Откров., 13, 18.

ДМИТРИЕВ Александр Станиславович—аспирант Института социологии РАМ. В нашем журнале публикуется впервые.

Социологи *и* психологи неоднократно пытались «измерить» человеческую личность в уложить ее в какую-нибудь прокрустову шкалу. Чаще всего эти попытки напоминали старую байку: «Меряли черт и Тарас, веревка то и оборвалась. Черт говорит: "Давай, свяжем". А Тарас: "Да ладно" и так скажем"».

Теодор Адорно отчетливо сознавал трудности подобного мероприятия. Он писал: «сталкиваясь с необходимостью измерения культуры, думаешь, не является ли культура именно таким состоянием, которое исключает саму возможность измерения?» [1, *p.* 347]. Вероятно, именно такой подход определил достоинства и недостатки знаменитой «Авторитарной личности», принесшей славу Франкфуртской школе. В этой работе сухие статистические процедуры и методы психоанализа, соединившись, дали ноістине «гремучую смесь».

В судьбе Франкфуртской школы весьма отчетливо отразилась судьба Европы XX вежа. У истоков школы стояла группа молодых студентов, преимущественно из обеспеченных еврейских семей. Они воевали на фронте, были искушены в философии и горели желанием изменить мир. Многие из этих вполне респектабельных молодых людей склонялись к коммунистическому учению, некоторые состояли в компартии,

Главная задача участников «Марксистской рабочей недели», проводившейся летом 1922 г. в Германии, — «восстановить чистый, или истинный марксизм». Среди собравшихся были такие известные личности, как Георг Лукач, Константин Цеткин (сын Клары Цетким), Рихард Зорге, а также никому пока не известные Макс Хоркхаймер, Фредерик Поллок, Карл Виттфогель, Франц Боркенау, Юлиан Гумперд, Феликс Вейль. Последний и предложил основать организацию, которая бы занималась социальными исследованиями и теорией в области «чистого» марксизма. Ему взялись помогать Поллок и Хоркхаймер. Так в Иллуменау (Тюрингия) появился первый росток Франкфуртской школы.

Надо сказать, что отцы этих молодых радикалов довольно спокойно взирали на революционные устремления своих отпрысков. Их, правда, волновало, что вместо «добропорядочной коммерции, дети носятся с разными «идеями», но в беспокойстве было больше желания заполучить продолжателей дела родителей, нежели опасения за

судьбу детей. Более того, Герман Вейль, отец Феликса, обеспечил финансовую поддержку Института социальных исследований солидным фондом в 120 тыс. марок ежегодно. Поэтому основатели Института могли не зависить от господствовавших во Франкфуртском университете строгих академических традиций, да и от всяких конъюнктурных соображений. Кстати, первоначально предполагалось назвать учреждение. «Институтом марксизма» или «Институтом Феликса Вейля». Но первый вариант отвергли как слишком провокационный, а второй — потому, что «институт должен стать известным благодаря вкладу в марксизм, а не деньгам основателя».

Феликс Вейль отказался быть в административной верхушке и даже вступить в должность приват-доцента, дабы не подумали, что он «купил» кресло на отцовские деньги. Вместо него первым директором Института назначили Курта Альберта Герлаха, который неожиданно умер в том же 1922 г, от диабета, подарив Институту библиотеку в 8 тыс. томов. Кстати, его жена впоследствии стала женой Рихарда Зорге, поддерживавшего связи с Институтом до 1924 г., причем нет сведений, что кто-либо догадывался о его «втором лице, — связям с ВЧК—О ГПУ.

Вместо Герлаха директором стал Карл Грюнберг, профессор Венского университета, редактор известного «архива Грюнберга» по истории социализма и рабочего движения. Хотя сам Грюнберг мало интересовался политикой, проявляя склонность к историческим изысканиям, в годы его правления в Институте преобладал ортодоксальный марксизм. С момента официального открытия Института (3 февраля 1923 г.) существовала тесная связь с Институтом Маркса—Энгельса в Москве. Его директор Давид Рязанов вел переписку с учеными из Германии, обменивался документами о рабочем движении и даже рукописями Маркса и Энгельса. Скорее всего, в деятельности Франкфуртского института был заинтересован исполком Коминтерна.

В Институте социальных исследований была представлена красочная палитра взглядов от крайне левых (Вальтер Бенджамин) до скептических (Поллок). Если первоначально левые взгляды и преобладали, то постепенно наметился сильный крен к центру. Например, Поллок был приглашен Давидом Рязановым на празднование в связи с десятилетием образования СССР. Он вынес из поездки далеко не радужные впечатления о советском режиме, Д. Рязанов же через некоторое время был репрессирован. Вообще, отношения франкфуртцев с советским режимом — тема отдельного разговора.

Постепенно крайне левые покидали стены Института. Карл Виттфогель и Франц Боркенау, активные члены компартии, стоявшие у истоков школы, отошли от дела именно из-за своих взглядов, и в 1932 г. Боркенау был вынужден опубликовать рецензии на собственные статьи воспользовавшись псевдонимом. Остальные попросту не интересовались его работой.

Вальтер Бенджамин, один из немногих евреев в Институте, активно изучавший иудаизм (остальные были равнодушны к Торе), подвергся жесткой критике со стороны Адорно. Теодор Адорно, сменивший по совету Поллока отцовскую фамилию (Визенгрунд) на фамилию матери, критиковал Вальтера за излишнюю увлеченность Торой и марксизмом. Позднее Бенджамин познакомился с актрисой из СССР Асей Лацис во время ее гастролей на Капри, влюбился, посетил Союз и стал другом Бертольда Брехта. Кстати, Брехт отзывался о представителях Франкфуртской школы как о «проститутках для американцев ради денег». Те, в свою очередь, считали его «позером» и «апологетом сталинизма». После смерти Вальтера Бенджамина Брехт посвятил ему две поэмы [2, p. 248].

Так что представление об огульной левизне членов Института вряд ли соответствует истине. Скорее, это форма, из которой с приходом «нового поколения» родилось новое содержание. Хотя в тот период и считалось, что «гуманистический социализм может быть реализован в постленинской России», это были «тщетные попытки ракового больного уцепиться за слухи о якобы изобретенном чудодейственном лекарстве» [2, p. 3].

Новая волна идей нахлынула с приходом в Институт группы молодых исследо-

шателей, каждый из которых был яркой индивидуальностью: это Фредерик Поллок, Лео Лоуенталь, Теодор Адорно, Герберт Маркузе, Эрик Фромм и Макс Хоркхаймер. Именно их работы прославили Франкфуртскую школу.

Макс Хоркхаймер формально становится директором Института в 1931 г. Сразу же проявилась тенденция к ревизии «добропорядочного марксизма». Макс дружил с Поллоком много лет, причем они, как и Маркузе, воевали в первую мировую. Маркузе, правда, успел в 1917 г. вступить в социал-демократическую партию и выйти го нее через два года в знак протеста против «предательства ею дела пролетариата», затем продавал книги, был книгоиздателем и лишь в 1933 г, начал работу в Женевском отделении Института.

Теодор Адорно заслуживает более подробного рассказа. Родился он в 1903 г. во Франкфурте, в семье ассимилировавшегося еврея-торговца. Мать была дочерью французского офицера и немецкой певицы. От матери Адорно унаследовал страстное увлечение музыкой, С 1924 г. учился у Албана Берга, по воспоминаниям друзей, на нем лежал яркий отпечаток элитарности.

Адорно знакомится с Хоркхаймером в 1922 г., в 1928 г. возвращается во Франкфурт из Вены, а после трех лет обучения в университете становится приват-доцентом Франкфуртского университета. Собственно, к Хоркхаймеру он переходит работать только в эмиграции в 1938 г., но вклад его во Франкфуртскую традицию — исследование авторитарной личности — весьма значителен.

Вторым поворотным событием, решившим судьбу Франкфуртской школы, был приход к власти нацистов. Существование группы марксистской ориентации, и к тому же по-преимуществу еврейской, в те годы было невозможным, Хоркхаймер успел до января 1933 г. вернуться из Женевы, взять семью и ускользнуть в Швейцарию. К этому моменту гитлеровцы уже закрыли банковский счет Института, конфисковали, огромную (60 тыс. томов) библиотеку. Вместе с Хоркхаймером эмигрировали почти все сотрудники Института, кроме Адорно, который формально имел немецкое гражданство, но жил уже в Англии, Только Виттфогель сделал все наоборот; вернулся в Германию из Швейцарии и сразу же был брошен в концентрационный лагерь за свою политическую деятельность. В лагере он пробыл с марта по ноябрь 1933 г. и. вызволенный усилиями жены и друзей, выехал в Англию.

В феврале 1933 г. большинство сотрудников Института собрались в Женеве, они поставили перед собой задачу сохранить школу, сберечь накопленные традиции и продолжить работу. Как ни странно, наступило и некоторое облегчение. Поллок вспоминал об этом так: «Все мы последние годы перед приходом Гитлера жили с чувством неуверенности, происходящим от нашей этнической принадлежности..» [2, *p.* 29].

Материальное положение «франкфуртцев» облегчалось продолжающейся поддержкой со стороны семьи Вейля. Несмотря на смерть Германа в 1927 г., Феликс, присоединившийся к Институту в 1935 г. в Нью-Йорке, внес дополнительно 100 тыс долл. В отличие от других эмигрантов, которым надо было начинать с нуля в новой» часто враждебной ситуации, «франкфуртцы» и в это время оставались относительно независимыми.

Нельзя не сказать об отношении к еврейскому вопросу в Институте. Вопрос об этнической принадлежности практически не возникал. Хоркхаймер, например, нападал на евреев-капиталистов, противников антисемитизма, поскольку они, по его мнению, «представляли экономическую угрозу» [2, *p.* 32—33]. Так что религиозные и этнические моменты подчинялись социальным. Сам Хоркхаймер женился на христианке, и эта проблема вызывала у родителей меньше беспокойства, чем его ради? кальные, с их точки зрения, взгляды.

После вынужденной эмиграции начинаются активные поиски страны, где можно было бы продолжать работу. В Швейцарии фашизм постепенно «набирал обороты», и оставаться там было невозможно. Поллок пытался договориться с сэром Вильямом Бевериджем, директором Лондонской школы экономики, но не достиг успеха, В Англии остался только Боркенау, Адорно же выехал оттуда в США в 1937 г. И во

Франции не приветствовали немецких интеллектуалов, которые, как писал глава отделения Института в Париже Поль Хенигшейн «...работают во имя Бога» или, если они неверующие, во имя работы, что, впрочем, одно и то же для настоящего немецкого ученого, а не проводят время за выпивкой, как французы...» [3].

Юлиан Гумперц, уроженец США, был послан туда для выяснения обстановки и вернулся с положительным ответом. Вслед за ним в 1934 г. в Штаты поехал сам Хоркхаймер для переговоров с президентом Колумбийского университета Николасом Батлером. Батлер неожиданно предложил Институту здание и сотрудничество. Это было настолько невероятно, что Хоркхаймер подумал, будто его знание английского языка не позволяет адекватно понять собеседника, Макс написал письмо на четырех страницах с просьбой пояснить предложение. Батлер ответил одной фразой: «Вы меня поняли совершенно правильно».

С этого момента в течение ряда лет происходит перемещение Института в Америку. Лондонское отделение просуществовало до 1936 г., парижское — до войны. Постепенно сотрудники осваивались в новой обстановке и развертывали работу. Правда, еще долгое время, не желая терять связь с Германией, они издавали свои труды на немецком языке, но это привело к определенным сложностям. Пауль Лазарсфельд довольно резко критиковал «такую идиотскую политику» [4, *p.* 325] и призывал опубликовать на английском хотя бы рефераты трудов, вышедших за несколько лет. Сам Лазарсфельд развернул бурную деятельность, и, несмотря на неудачу с Адорно [5], предложил помощь Институту и сотрудничество в эмпирических проектах. Институт, однако, отклонил это предложение.

В военное время Американский еврейский комитет заинтересовался проектом 1939 г, и основал при Институте отделение научных исследований, поставив во главе Хоркхаймера. С 1944 г. начинается наиболее удачный период в деятельности Института. К работе подключается Адорно, несмотря на весь свой скепсис по отношению к методам измерения «неизмеримого». Видимо, немалую роль в переоценке приемов и методов социологии сыграло не вполне удавшееся сотрудничество с Лазарсфельдом. Пауль весьма резко писал в то время Теодору: «Ваше неуважительное отношение к возможным альтернативам Ваших идей становится тем более возмутительным, когда Ваши работы заставляют подозревать, что Вы даже не знаете, как эмпирически проверить сделанные гипотетически предположения... Вы считаете, что если Вы правы в основе, то Вы правы во всем...» [2, р. 222]. Впрочем, это не помешало Лазарефельду оставаться «...с непоколебимым уважением, дружбой и лояльностью» [2, р. 223] лично к Адорно.

Следует добавить, что после успеха «Авторитарной личности» Лазарсфельд писал: «Меня не оставляет тревога, что мои обязанности во время работы над Принстонским проектом помешали мне уделить необходимое время и внимание, чтобы достичь той цели, для которой, собственно, и приглашался Адорно..» [4, р. 160]. Победа Адорно объясняется не только тем, что с ним сотрудничала группа классных методистов, но и тем, что он, как, кстати и многие другие немецкие исследователи, пересмотрел свое отношение к «эмпирии».

Были и сложности. Например, результаты колоссальной работы по антисемитским настроениям в Америке (4 тома, более 13 тыс. стр.) издатели не сочли возможным опубликовать по политическим соображениям. Они опасались реакции на то, что «...иностранные интеллектуалы суют свой нос в частные дела американских рабочих» [2, р. 77]. Да и время было малоподходящим для проведения широкомасштабных исследований; шла война, мужчины либо воевали, либо трудились в очень интенсивном режиме. Поэтому поиск подходящей группы для исследования становился еще более сложным делом. В частности, по этим причинам в «Авторитарной личности» наблюдаются значительные смещения в выборке. Были и теоретические проблемы. Адорно вернулся к отвергаемому им ранее типологическому описанию личностей. Правда, он рассматривал типологию в нетрадиционном смысле: «Объяснение насущной пользы типологического подхода... лежит не в статическом и биологическом, а напротив» — в

динамическом и социальном... Следы общественного подавления остаются в человеческой душе. ...Критика типологии не должна отрицать того факта, что большое количество людей более не являются или даже никогда не были "индивидуальностями" традиционном понимании философии XIX столетия» [6, *р.* 747].

Ясно, что типология должна описывать наиболее часто встречающиеся «паттерны„ картины личности. Для индивидуальностей такой подход вряд ли правомерен. Поскольку предполагается, что авторитарные черты носят тотальный характер, а демократические — более разнообразны и менее типичны, то сделанные описания демократического типа обладают относительной ценностью. Не случаен и выбор шкал, построенных в ходе исследования. В центре внимания — еврейский вопрос.

В записках об антисемитизме Адорно утверждал, что евреи до диаспоры были «блуждающим народом», этакими «тайными цыганами истории». И поэтому образ бродящего по миру еврея прочно обосновался в западной культуре, «символизируя то состояние человечества, когда люди не знали, что такое труд... все позднейшие атаки против паразитического, расточительного характера еврея являются просто рационализациями» [2, р. 223]. Адорно и Хоркхаймер утверждали, что ненависть к евреям — это проявление скрытой зависти-рессентимента к тем, кто, как кажется, имеет богатство, не имея работы, счастье — без власти, дом — без границ и религию — без мифа. Аналогичную трактовку антисемитизма можно встретить и у Ж. — П. Сартра.

Непосредственно работа над проектом началась в 1945 г. в тесном сотрудничестве с группой ученых из Беркли; Адорно и Сэнфорд были выбраны содиректорами, Левинсон и Френкель-Брюнсуик — главными помощниками проекта. Роли распределялись следующим образом: Сэнфорд обеспечивал технику исследования, а также детально описывал две биографии изучаемых личностей. Адорно занимался вопросами теории, уделяя особое внимание идеологической подоплеке материала. Френкель-Брюнсуик разрабатывала личностные переменные, а также проводила качественный анализ и классификацию полученных интервью. Левинсон отвечал непосредственно за шкалы и психологическую интерпретацию данных по интервью, открытым вопросам, а также за все статистические методы обработки информации.

В конце войны Поллок оказался в Лос-Анжелесе и организовал там вторую группу исследователей, в нее вошли К.Ф. Браун и К. Криидон.

Основная цель исследования — описание «нового антропологического типа», как выражались авторы проекта «Авторитарная личность». Предполагалось, что характеристики этого типа будут соответствовать садомазохистскому характеру. Попытки очертить подобный характер делались и ранее, в трудах Э. Фромма, в работах нацистского психолога Е.Р. Йенша. Последний в 1938 г. описал героический тип личности, которая отличается непреклонной решимостью, в противоположность неуверенному, робкому демократу.

Хоркхаймер так описывал черты авторитарной личности: «Механическое подчинение всеобщим ценностям, слепое следование авторитетам, сочетаемое со слепой ненавистью ко всем оппонентам и аутсайдерам, антиинтроспективность, строго стереотипное мышление, приверженность к суевериям, злобное, полуморализованное, полуциничное отношение ко всему человеческому, проективность...» [7]. Интересно, что существование такого типа, в общем-то, не ставилось под сомнение изначально. Позднее Адорно отмечал: «Мы не стремились доказать или опровергнуть теорию своими открытиями, а лишь хотели вывести из нее конкретные вопросы для нашего исследования»[1,р. 363].

Хоркхаймер весьма оригинально подходил к изучению типологических свойств. Еще в начале войны он писал, как надо понимать процесс индукции: «..индукция в социальной теории, напротив, должна искать всеобщее в частном, причем не над или вне него, вместо движения от одной частности к другой и затем к высотам абстракции, необходимо погружаться все глубже и глубже в частное, и именно там обнаруживать всеобщие законы» [8].

В действительности это не означает, что исследователи занимались чистым теоретизированием или высасывали проблему из пальца. Например, для построения шкалы антисемитизма была переработана масса материалов, включая работы лидеров фашизма, документы их партийных съездов и даже письма антисемитских группировок и отдельных нацистов.

В задачи исследования входило установление соответствия между глубинной психологической динамикой личности и ее «поверхностными» чертами. Предполагалось, что такими «поверхностными» измерениями являются предрассудки. Понять функцию предрассудка помогает аллюзия скорлупы, экрана, стоящего перед рассудком и мешающего личности объективно отражать мир. В основе данного предположения лежала теория, допускающая существование многих уровней личности, как скрытых, так и доступных для внешнего мира. Обычные способы «опроса общественного мнения» были отвергнуты по той причине, что вербализированные мнения далеко не всегда отражают истинные стремления и намерения человека.

Исследование началось с распространения анкет, содержащих открытые и шкалированные вопросы. В частности, устанавливались пол, партийность, доход, принадлежность к конфессии и т. д. Основная идея заключалась в попытке уловить связь между социальной средой и идеологическими чертами человека. Предполагалось, что существует корреляция между принадлежностью к определенному классу и идеологией личности. В теоретическом плане есть все основания считать «Авторитарную личность» последовательно марксистским социологическим исследованием.

Шкалы все-таки дают возможность качественно оценить некоторые стороны авторитаризма: антисемитизм, этноцентризм, политико-экономический консерватизм. На основе этих трех шкал и была построена «Ф-шкала», как бы уже непосредственно замеряющая «фашизм» в личности.

Наконец, группа открытых вопросов позволяла расширить тематику и четче определить направления исследования, открыть новые черты личности, присущие массовому авторитарному сознанию. Как уже говорилось, демократическое сознание эксплицировалось гораздо более широким набором черт, поэтому достаточно статистически обоснованную картину удалось получить именно для тоталитарного сознания, с его стремлением к унификации.

Оставался открытым один из существенных вопросов о причинно-следственной связи: организация ли системы порождает те или иные качества, или, наоборот, индивидуальные черты людей порождают организацию? Личность при этом рассматривалась исследователями, скорее, как диспозиция — потенциальная готовность к действию, нежели как актуальное поведение. Этот подход позволил очертить явление, названное «псевдодемократизмом». Необходимость соблюдения правил, внешних норм общества или «демократических приличий» при внутренней авторитарности приводит к стремлению человека оправдать свои фашистские наклонности и взгляды, рационализировать их и найти им ценностное обоснование.

Однако в тот период сама тоталитарная система еще не явила себя в полной мере, и Фромм справедливо заметил: «Нацизм — это психологическая проблема, но сами психологические факторы могут быть поняты лишь при учете их формирования под воздействием факторов социально-политических и экономических. Нацизм — это экономическая и политическая проблема, но без учета психологических факторов невозможно понять, каким образом он приобрел власть над целым народом»[9].

Отличительной особенностью «Авторитарной личности» было то, что исследование проводилось как бы с использованием «обратной связи». Если первоначально многие проблемы представлялись весьма приблизительно, то на последующих этапах в планы вносились существенные коррективы в зависимости от полученных результатов. При этом авторы отмечали, что попытка тщательного анализа одной за другой черт авторитарной личности привела бы к срыву исследования. Просто не хватило бы времени и средств для создания целостной картины. Поэтому многие вопросы интерпре-

тировались как измерения сразу нескольких черт личности. Такого рода методику трудно назвать строгой.

Результаты индивидуальных исследований обрабатывались, и уже на этой основе составлялись вопросники для изучения целых групп. Результаты обследования групп, в свою очередь, поставляли материал для более углубленного анализа и понимания отдельной личности. Затем методами интервью и специальными клиническими тестами проводились индивидуальные исследования и так далее. Этот «закольцованный» процесс вполне себя оправдал, позволив создать достаточно компактные шкалы. Таким образом, немцы-эмигранты успешно перенесли методы традиционной социальной психологии на массовое статистическое обследование. Позднее их упрекали именно за такой подход, указывая, что высокая корреляция между шкалами связана не со свойствами личности, а с принципом построения самих шкал. Авторы же рассматривали вопросники не просто как инструмент сбора данных, а как «клапаны для "выхода наружу" относительно глубоко лежащих личностных установок, спонтанно выражающих фашистские идеи или испытывающих их влияние» *[p.* 228].

В общем-то такая позиция понятна. Жизнь проводила в те годы гораздо более широкомасштабное исследование авторитаризма. Миллионы «респондентов» участвовали в построении шкалы антисемитизма, а результаты накапливались горами пепла у печей концентрационных лагерей. «Выборка» была на редкость представительной. Гиммлер показал себя незаурядным организатором.

Число опрошенных в ходе работы над «Авторитарной личностью» кажется смехотворно малым — около 3 тыс. человек. Причем, большинство — это европейцы, белые, коренные жители США, неиудеи, представители «среднего класса». Шкалы оценивались методом Ликерта, достаточно новым для того времени. Для респондентов, получивших наибольшее и наименьшее количество баллов, были проведены клинические интервью и тесты на тематическое восприятие. Каждое интервью продолжалось примерно 1,5 часа и подразделялось на клиническую и идеологическую часта, причем интервьюируемые не знали точной цели исследования.

Наиболее значимым достижением проекта было преобразование трех шкал в «Ф-шкалу». Она замеряла девять базовых личностных переменных, заслуживающих того, чтобы их привести:

— *традиционность* — жесткое следование традиционным ценностям среднего класса;

— *авторитаризм* — подчиненное, некритическое отношение к идеализированным моральным авторитетам группы;

— *авторитарная агрессия* — стремление к поиску и подавлению, отвержению и наказанию людей, которые нарушают или преступают общепринятые ценности;

— *анти-интрацепция* — оппозиция к личностному, воображаемому, к «мягкому» мышлению;

— *суеверность и стереотипность* — вера в мистическую предопределенность индивидуальной судьбы, стремление к мышлению в затверженных, жестких категориях;

— *сила и «твердость»* — существование в пространстве таких категорий, как «доминирование — подчинение», «сила — слабость», «лидер — последователь», идентификация с фигурами власти, стремление к чрезмерному выражению общепринятых атрибутов «эго», преувеличенная демонстрация силы и твердости;

— *деструктивность и цинизм* — общая враждебность, ненависть к человеческому, гуманному;

— *проективность* — склонность считать, что в мире происходят ужасные и дикие вещи, проекция внутренне неосознанных эмоциональных импульсов на внешний мир;

— *секс* — чрезмерная озабоченность сексуальными проблемами [p. 228].

Последующая критика, весьма интенсивная, отмечала и достоинства, и недостатки работы. «Авторитарная личность», с точки зрения методологии, выгодно отличалась

рядом черт. Во-первых, философия исследования была раскрыта в соответствии с его стадиями, причем каждая представляла собой закономерное развитие предыдущей. Во-вторых, исследование вытекало из хорошо развитой теории, что само по себе редкость. И, наконец, сочетание количественного, статистического подхода и качественного анализа, соединение немецкой и американской школ было новшеством.

Критике же подвергались в основном различные аспекты методологии, и, надо сказать, справедливо. Хотя авторы и указывали, что не стремятся распространить результаты исследования на всех американцев, в своей работе они это делали. Кроме того, критики утверждали, что интервьюеры имели предустановки, знал, что интервьюэуемще имеют высокий или низкий балл по шкале. Упрекали авторов и за то, что не были проведены интервью с лицами, набравшими среднее число баллов [10].

Возникали вопросы не только методологические. Например, оспаривалось объяснение генетических корней авторитаризма, поскольку все данные о детстве исследуемых были получены на основании их воспоминаний, а не благодаря реальному наблюдению за детьми.

Некоторая неразбериха возникла и в связи с терминологией. Ряд авторов справедливо указывал, что есть существенная разница между авторитаризмом и тоталитаризмом. Между тем, изучаемое в «Авторитарной личности» относится, скорее, к тоталитаризму.

Другие критики исходили из того, что авторы исследования получили результаты, вытекающие из их собственных политических взглядов. Почему, например, авторитаризм ассоциируется лишь с фашизмом, а не с коммунизмом? Почему с авторитаризмом связан экономический и политический консерватизм, а не, скажем, требование государственного социализма? Короче, почему используется старая праволевая дихотомия, а не противостояние либерального демократизма и тоталитаризма справа и слева? Эти упреки имеют под собой серьезные основания. Исследование не лишено тенденциозности, хотя со временем разочарование лидеров Франкфуртской школы в коммунистических идеалах перешло в явное неприятие. Поллок, например, называл СССР системой государственного капитализма, ничем не отличающейся от аналогичных западных [2, *р.* 248]. В Институте не хотели противопоставлять тоталитаризму абсолютный, индивидуалистический, безыдейный плюрализм, понимая, что это вряд *ли* благо. Авторы вообще воздержались от выводов о преобладании авторитаризма внутри общества. Вместо этого была дана описательная типология авторитарной и неавторитарной личности, без упоминания ее частотности для разных типов общества. Адорно писал: «...большая часть населения не занимает крайние позиции, а, следуя нашей терминологии, "срединна"» [6. р. 976].

Позднее сам Адорно оценивал работу так; «...если «Авторитарная личность» внесла вклад, то не вследствие глубокого проникновения в ситуацию, еще менее благодаря статистике, но прежде всего из-за постановки вопросов, формулировки тем, которые мотивировались искренней социальной озабоченностью, а также тем, что впервые теория была переведена в количественные замеры подобного рода» [1, р. 361].

В дальнейшем психология авторитаризма изучалась другими исследователями. Были попытки построить шкалы для «левого авторитаризма» или «догматизма» («Д-шкала»), попытки связать авторитаризм и неврозы у рабочих и др. Как бы то ни было, «Авторитарная личность» дала мощный импульс исследованиям в этом направлении. Кстати, Адорно рассматривал «Авторитарную личность» лишь как пилотажное исследование, подчеркивая, что проблема только обозначена [2, р. 250].

В дальнейшем судьба Адорно и Института стала более спокойной, Теодор вернулся в Германию в 1949 г. вместе с Хоркхаймером. Адорно подружился в эмиграции с Томасом Манном, который не только принимал участие в семинарах Института, но и заимствовал из работ Адорно по музыке целые фрагменты. Манн написал длинное благодарственное письмо Адорно после выхода в свет «Доктора

Фаустуса», где полушутливо извинялся за «бессовестно-добросовестное» копирование его идей и рукописей.

Адорно наезжал в США в 1952—1953 гг. Лазарсфельд писал, что в то время «он выглядел точно таким, каким представляется в воображении крайне рассеянный немецкий профессор... Однако при разговоре высказывает невероятное количество интересных идей» [4].

В Германии и в послевоенные годы преобладала спекулятивная социологическая традиция. Неприязнь немецких теоретиков к эмпирии заставила Адорно выступить в непривычной роли защитника эмпирических методов. «..Так презираемая негуманносгь эмпирических методов, — писал он, — всегда более гуманистична, чем гуманизация негуманного» [11]. Может быть, несколько витиевато, но верно.

И, все-таки, не только в эмпирии таится успех «Авторитарной личности». Авторы исследования, как ни странно, мыслили сходными с авторитарным сознанием категориями, хотя и в другой ипостаси. Это и помогло им проникнуть в глубинную сущность авторитаризма. Несколько цитат иллюстрируют этот вывод;

«..Тот, кто не понимает исконно женский характер масс, никогда не будет хорошим оратором. Спросите себя, что женщина ожидает от мужчины? Ясности, решительности, властности, действия...»;

«...Массы ...подчиняются авторитету... То, что они требуют от своих героев, — это сила, или даже насилие. Они желают быть подавляемыми и управляемыми и хотят бояться своих правителей»;

«..Если страх и деструктивносгь являются главными эмоциональными источниками фашизма, то эрос в основном принадлежит демократии..".

Не правда ли, похоже на выдержки из одной работы? В действительности первая цитата принадлежит Гитлеру, вторая — Фрейду, а последняя — заключительные слова «Авторитарной личности».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Adorno T. Scientific experiences of a european scholar in America // The intellectual migration; Europe and America,1930 —1960 / Bailin B., Fleming D. (eds.). Cambridge, Mass.; Belknap press of Harvard university press, 1969.*

2. *Jay M. The dialectical imagination; a history of the Frankfurt school and the institute of social research, 1923—1950. Boston; Luittle, Brown and company, 1973.*

3. *Honigshaim P. Reminiscences of the Durkheim school // Emile Durkheim, 1858—1917. A collection of essays K. Wolff (ed.). Columbus; Ohio state university press, 1960. P. 313, 314.*

4. *Lazarsfeld P. An episode in the history of social research; A memoir // The intellectual migration: Europe and America, 1930—1960 / Bailin B., Fleming D. (eds.), Cambridge, Mass.; Belknap press of Harvard university press, 1969.*

5. *Батыгин Г.С. Ремесло Пауля Лазарсффельда: введение в научную биографию // Вести. Академии наук СССР. 1990. №8.*

6. *The authoritarian personality / Adorno T., Frenkel-Brunswik E., Levinson D., Sanford N. (eds.). New York: Harper, 1950.*

7. *Horkgeimer M. The lessons of fascism. Urbana, III.: The free press, 1950. P. 230.*

8. *Horkheimer M. Notes on institute activities // Studies in philosophy of social science. 1941. Vol. XI. №1.*

9. *Фромм Э. Бегство от свободы / Пер. с англ. Г.Ф. Швейника. М.; Прогресс, 1990. С. 176.*

10. *Brown R. Social psychology. New York; The Free press, 1965. P. 523.*

11. *Adorno T. Zun gegenwärtigen Stellung der empirishen Sozialforschung in Deutchland // Empirisehe Socialforschung, Schriftenriehe des Instituts zum Forderung Öffentlichen Angelegenheiten. Frankfurt, 1952. Vol. XIV. S.31.*